

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сын ГУБЕРНАТОРА

ОЛЬГА РУЗАНОВА

Ольга Сергеевна Рузанова

Сын Губернатора

Серия «Греховцевы», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69408313

SelfPub; 2023

Аннотация

Могла ли я представить, как круто повернется моя жизнь. Еще вчера – воспитанница детского дома, а сегодня – студентка престижного Вуза, в котором учится сын самого губернатора. Безэмоциональный, высокомерный и циничный, хоть и... красивый. И пахнет от него незнакомо. Дорогим парфюмом, деньгами и превосходством над остальными. – Я пойду? – говорю робко. – Денег дать? – вдруг спрашивает он и, не дожидаясь моего ответа, достает из внутреннего кармана кожаной куртки бумажник. Открыв его, вынимает две купюры номиналом пять тысяч. Смотрю на них, а перед мысленным взором проносятся новые ботинки, теплая куртка... нормальная еда. Герман, видимо заметив мою реакцию, холодно усмехается. – Бери. Встречаюсь глазами с его серым взглядом и невольно ежусь. Он намеренно меня унижает. – Нет. – Мало?..

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	11
Глава 3.	17
Глава 4.	23
Глава 5.	30
Глава 6.	37
Глава 7.	43
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Ольга Рузанова

Сын Губернатора

Глава 1.

Беру в руки стопку методических пособий и, чтобы не развалилась, зажимаю ее сверху подбородком.

– Короткова, ну куда столько? – сокрушается зав. кафедрой, – надорвешься.

– Не надорвусь, Лилечка Андреевна, нас в детском доме кирпичи заставляли таскать. Я, знаете, какая сильная!

Женщина поджимает тонкие губы и смотрит на меня со всей строгостью. Наверное, не понравилась фамильярность, с которой я к ней обратилась.

– Простите, – посылаю извиняющуюся улыбку и, развернувшись, иду к выходу.

Кое-как, помогая себе коленом, открываю дверь и выхожу в коридор. Мимо, оставляя после себя шлейф вкусных духов, проносится толпа девчонок. По виду, третий или четвертый курс.

– С дороги, убогая! – бросает одна из них, пихая меня сумкой.

– Эй! – кричу вслед, прижимаясь спиной к стене.

Поправляю чуть съехавшую вбок стопку и, оглянувшись

вокруг себя, продолжая свой путь.

А что происходит? По сравнению с тем, что было здесь в восемь утра, обстановка в универе заметно изменилась. Все куда-то бегут, шепчутся и возбужденно хихикают.

– Грех, Грех, Грех... – слышится со всех сторон.

Что за грех? Что или кто это? И почему все так всполошились?

Завернув за угол, останавливаюсь на лестничной площадке. Перевожу дух и наощупь начинаю спускаться вниз. Мимо меня снова проносится толпа возбужденных фифочек, а у меня в голове только две цели: донести методички до пункта назначения и не допустить, чтобы подошва моего правого кроссовка снова оторвалась.

Я приклеивала ее уже четыре раза. Четыре раза!!! Если сейчас она снова оторвется, в пятый раз я ее уже не приклею. Мне во что бы то ни стало нужно доносить их до первой стипендии, которая, как мне сказали в деканате, ожидается только в октябре.

Если она оторвется сейчас, придется доставать зимние ботинки. В сентябре.

Стараясь не сильно сгибать правую ногу, осторожно спускаюсь на первый этаж и, обойдя по дуге взбудораженную появлением какого-то греха, толпу, поворачиваю в коридор, ведущий в просторный холл.

– Смотрите – Герман! – слышу я сбоку.

Плевать мне на этого Германа, потому что от тяжелой но-

ши у меня уже онемели плечи и заныла спина. Пересекаю помещение и упираюсь в плотную толпу студентов, перекрывших вход в коридор левого крыла корпуса.

– Разрешите, – подаю я голос.

Но меня никто не слышит. Прикрыв рты ладошками, девочки шепчутся друг с другом.

– Он реально здесь учится?

– Да... заочно.

– Я до этого его только в интернете видела...

– Охренеть...

– Я тоже в шоке...

– Такой brutальный...

Я толкаю плечом в спину одной из них и повторяю:

– Разрешите пройти.

Получается. Одна из студенток, высокая блондинка, оборачивается и окидывает меня презрительным взглядом.

– Не прикасайся ко мне.

– Дайте пройти.

Тяжесть в руках достигает своего максимума, руки начинают дрожать, плечи наливаются свинцом.

– Тебе обязательно здесь идти? – цедит ее подруга, – обойди с другой стороны.

– А тебе сложно сделать шаг назад? – парирую я.

– А ты кто такая, чтобы я ради тебя шаг в сторону делала?

Курица безмозглая, вот ты кто.

Разворачиваюсь на 90 градусов и, толкая ее плечом, про-

тискаюсь между ней и ее подружкой.

– Фу-у-у, голодранка!

– Ната, отойди, вдруг у нее вши!

– Что она вообще делает в нашем Вузе?!

– Это уборщица, наверное...

– Охреневшая уборщица...

Меня оскорблениями уже давно не пронять. Поэтому, мечтая лишь о том, чтобы поскорее добраться до пункта назначения, я делаю еще один шаг и чувствую, как нога упирается в преграду. Теряю равновесие и лечу вперед.

Столкновение колен с бетонным полом выходит жестким. От боли темнеет в глазах. Методички рассыпаются колодой карт.

– Кривоногая!

– Убожество лесное!

Надо мной смеются и оскорбляют, а я думаю только об одном – как там моя подошва.

Оглянувшись, быстро осматриваю кроссовки и облегченно выдыхаю – кажется, пронесло.

Поднимаюсь на ноги и под дружный хохот начинаю собирать разлетевшиеся по всему холлу методички. Делаю это быстро, чтобы никто не успел специально наступить и испортить. Мне за них перед Лилией Андреевной головой отвечать.

Собираю стопку и намереваюсь уже покинуть толпу недоумков, как слышу:

– А эту кому оставила?

Чччерт... Действительно, одну не подняла. Она лежит, касаясь края черного кроссовка одного из студентов.

– Грех, откинь ее в сторону, – говорит, посмеиваясь, тощий блондин.

Я замираю. Фокусирую взгляд на книжице, намереваясь проследить траекторию ее полета. Но ничего не происходит. Она остается лежать у массивного черного кроссовка.

Пытаясь понять намерения его хозяина, я поднимаю взгляд и чувствую, как по телу проходит ледяной озноб.

Так на меня еще никто не смотрел.

Как на вылезшего из-под плинтуса таракана.

Ежусь, и быстро присев на корточки, забираю методическое пособие, пока этот Грех не передумал.

– Мышь, – слышу шипящий женский голос.

– Надо декану пожаловаться, что в наш Вуз уже бомжей пускать стали, – вторит ему чей-то писк.

Не поднимая более глаз, пробираюсь сквозь толпу вкусно пахнущих, но не очень приятных людей, и направляюсь к заветной двери. Толкаю ее коленом и захожу внутрь. Свалив ношу на ближайший стол, перевожу дух.

Вот, значит, какой он, этот Грех. Жуткий тип. Высокий и одет прилично, но от взгляда его мороз по коже.

Не понимаю восторга окружающих. Безымоциональный, с неживым взглядом. Как робот.

Фу.

Еще раз трясую головой, словно сбрасывая с себя неприятное ощущение, дожидаясь библиотекаря и с чистой совестью иду в аудиторию на пару психологии. Заняв свое место в последнем ряду, достаю из потрепанного рюкзака тетрадь и ручку.

– Свободно? – спрашивает девушка неформатной внешности.

– Да.

Она с начала учебы рядом со мной сидит, но каждый раз спрашивает разрешения. Странная. С сине-зелеными волосами, пирсингом в носу и губах и в черной одежде. Готка, наверное.

Мы сидим молча, она, залипнув в телефоне, я – разрисовывая поля тетради.

– Нет, все-таки классный он, у меня мурашки по коже... – с придыханием проговаривает одна из однокурсниц, проходя мимо нашего стола.

– Говорят, у него невеста есть.

– Врут.

Закатив глаза, устремляю взгляд в окно. Там ветер, но дождя еще нет, хоть и обещали. Если повезет, доберусь до общаги с сухими ногами.

– Задрали... – шипит соседка по парте.

– Что?

– Задрали, говорю, с этим Греховцевым, – выплевывает с отвращением, – кипятком ссутся.

– Это о нем все сегодня шепчутся?

– О ком же еще? Какая честь – с нами сын самого губернатора учится!

Теперь понятно, с чего весь этот ажиотаж. Я даже спину распрямляю. Когда в прошлом году к нам в детдом какой-то мэр приезжал, воспитатели так же перед ним бегали, но тогда нам только из окна на него смотреть можно было. А сегодня я почти коснулась ботинка сына губернатора!

Глава 2.

Моим надеждам сбыться было не суждено. Как раз перед окончанием последней лекции начинается дождь.

Бросаю тоскливый взгляд на свою многострадальную обувь и шагаю под холодные капли. Иду быстро, накинув на голову капюшон толстовки и обхватив себя руками. Куртки на это время года у меня тоже нет.

От корпуса университета до общежития всего метров триста, но мне приходится сделать небольшой крюк, чтобы зайти в супермаркет. Не глядя по сторонам, прохожу сразу в социальный отдел с продуктами первой необходимости, беру булку и банку паштета из гусиной печени. Судя по составу, написанному на этикетке, в баночке вся таблица Менделеева, но вкус сносный. И цена для меня приемлемая.

– Девяносто семь рублей, – механическим голосом говорит кассирша.

– У меня скидочная карта.

– Это со скидкой.

– Как со скидкой? Со скидкой должно получиться девяносто один рубль.

– Девушка, – спрашивает с вызовом, – вы брать будете или нет?

– Паштет ведь 54 рубля стоит?

– Здравсти! Уже со вчерашнего дня по новой цене! 61

рубль.

– А на ценнике 54 написано, – упираюсь я.

У меня, так-то, каждая копейка на счету, и я не собираюсь разбрасываться деньгами налево и направо.

– Вы очередь задерживаете! Либо покупайте, либо уходите.

Оглядываюсь и напарываюсь на недовольный взгляд какой-то бабули. Перед ней полная тележка продуктов, а за спиной хнычущий внук.

– Хорошо, – выдавливаю через силу, – но я буду жаловаться! Где ваша жалобная книга?

Выразительно закатив глаза, тетка смотрит на покупателям позади меня. Всем своим видом показывая, как сильно я ее достала.

– Да давай уже быстрее, – выкрикивает мужской голос, – мы из-за твоих трех копеек ночевать здесь должны?

Семь рублей, вообще-то. На дороге не валяются.

Сунув покупки в рюкзак, уныло плетусь в общагу. Ноги промокли, капюшон и плечи толстовки – тоже. Остается надеяться, что завтра не проснусь с соплями.

Соседки в комнате не обнаруживаются, поэтому я, скипав чайник, спокойно сажусь обедать булкой с паштетом. Поглощая свой нехитрый обед, читаю в учебнике материал к завтрашнему практическому занятию по русскому языку.

Я собираюсь стать первоклассным журналистом, поэтому к учебе отношусь очень серьезно. Не пропускаю лекций и

зубрю материал так, чтобы от зубов отскакивал.

Это мне легко дается. Моя бывшая учительница говорила, что я одаренная и талантливая. Мне нравится в это верить. Когда я написала итоговое сочинение на отлично и получила за тест по русскому языку высший балл, именно она подняла все свои связи, чтобы помочь мне поступить в этот Вуз.

Я ее подводить не собираюсь.

От чтения отвлекает хлопок двери.

– Привет, – говорю соседке по комнате Юле.

Не удостоив меня ответом, она прямо в обуви проходит по чистому линолеуму и в одежде падает на свою кровать.

– Чем воняет? – морщит нос и начинает махать ладонью перед лицом.

Спохватившись, быстро засовываю баночку с недоеденным паштетом в полиэтиленовый пакет и убираю его на подоконник ближе к стеклу.

Юлька терпеть не может его запах.

– Опять эти химикалии жрешь?

– Проветрить?

– Не надо, – вздыхает тяжело, – послал же Бог соседку.

Она, вообще-то, не плохая, нормальная. Когда в настроении. Перед началом учебы даже пару тетрадей мне подарила и однажды угостила пирожным, хотя сама из малообеспеченной семьи.

– Что в универе нового?

– Ничего... хотя, сегодня туда сын какого-то губернатора

приезжал, суеты навел...

Плохое настроение и усталость Юльки исчезают как пощелчку пальцев. Резко поднявшись, она скидывает с ног ботинки и садится по-турецки.

– Правда? Какой он?

– Эмм... – задумавшись, сосредоточиваю взгляд на качающейся от ветра ветки дерева за окном, – неприятный... жуткий... высокомерный. Мне не понравился.

– Ты в своем уме?! – громко хохотнув, спрашивает Юля, – Не понравился?! Тебе?! Что же ты, бл@ть, за принцесса такая, что тебе Греховцев Герман не понравился?

Вспоминаю его, отдающий ледяным пренебрежением, взгляд и невольно ежусь. Что может в нем нравиться?

Да, он высокий и черты лица у него правильные, особенно запомнились губы. Полные, четко очерченные. Одет дорого, и кроссовки у него наверняка крутые. Но его манера держаться, поза и уничтожающий взгляд испортили все впечатление.

– Ничего особенного, – пожимаю я плечами, переворачивая страницу учебника.

– Пха... Рая, тебе корона не жмет?! – открыто потешается надо мной, – ты знаешь, кто его отец?

– Если этот Грех сын губернатора, то, очевидно, его отец губернатор.

– Мисс конгениальность! – поднимает Юлька вверх указательный палец, – губернатор! Сечешь?..

– И что?

Соседка, глядя на меня, неверяще качает головой. Бросает взгляд на мои, сиротливо стоящие в углу, полуразвалившиеся кроссовки и прикрывает глаза.

– И вообще, – продолжаю я, – если он сын губернатора, почему он не учится где-нибудь за границей?

– Он уже окончил заграничный Вуз, это его второе образование.

Зачем? С жиру бесится?

– Ничего особенного, – повторяю упрямо и склоняюсь над учебником ниже, намекая Юльке, что обсуждать этого мажора больше не хочу.

– У него Панамера, представляешь?

Молчу, потому что понятия не имею, что означает это слово.

– Черная! – продолжает восторгаться Юлька, – я однажды видела, как он со стоянки универа выезжал.

Наверное, речь идет о машине. Я, если честно, в них вообще не разбираюсь, поэтому, коротко кивнув, возвращаюсь к изучению темы стилистики.

В нашем селе иномарки можно пересчитать на пальцах двух рук, остальные ездят на автомобилях отечественного автопрома. У нас и вовсе машины никогда не было.

А кому в нашей семье водить? Маме, всю жизнь проработавшей продавцом в Промтоварах или деду, которого я трезвым видела от силы два раза в год?

У нас и велосипеда-то никогда не было, и телевизор всего один и тот допотопный.

— Говорят, в прошлом году он с Казанцевой с третьего курса встречался, — трещит Юлька, как заведенная, но я ее болтовню пропускаю мимо ушей.

Я в город учиться приехала, а не богатеньких мальчиков и их тачки обсуждать. Получу высшее образование, устроюсь на хорошую работу и найду, наконец, своего родного отца.

Он у меня не деревенский. Городской. Мама перед смертью рассказала, что у них был короткий роман, после которого он сразу уехал, и они потерялись. Он даже не знал, что она забеременела.

Дед говорит, он интеллигент, приезжал к нам в село, когда там молокозавод новый открывали. Мама ему комнату сдавала, ну а потом, когда он уехал, я родилась.

Я хочу человеком стать прежде, чем его найду. Чтобы он мог гордиться мной.

Глава 3.

В буфет универа я хожу позже остальных. В этом есть свой смысл, хоть и приходится иногда опаздывать на пару. Во-первых, к концу перемены уже нет очереди, во-вторых, мне почти всегда перепадает чья-нибудь несъеденная булочка или пирожок.

К тому же, золотая молодежь нашего Вуза сюда не ходит, они, как правило, тусуются в кафе через дорогу, а здесь обедают бюджетники.

Нищелюбы, как называют нас мажоры и мажорки.

Можно спокойно есть, не опасаясь стать объектом их злых шуточек.

– Здрасти, – останавливаюсь возле прилавка с выпечкой и начинаю делать вид, что ищу деньги в рюкзаке.

Заглядываю внутрь, с озадаченным видом шарю в боковых кармашках.

– Что, опять деньги потеряла?

– Не знаю, – жму плечами, – может, в общежитии забыла, но, кажется, я их сюда убирала.

Тетя Марина, полная невысокая женщина в бордовой косынке и такого же цвета фартуке, только усмехается. Не верит, потому что этот фокус я проделываю уже в третий раз.

Покачив головой, молча наливает в пластиковый стаканчик чаю и протягивает пирожок, обернутый салфеткой.

– Спасибо! – расплываюсь я в улыбке, – тетя Мариночка, хотите, я после пар вам тут помогу, а?

– Обойдемся, – подает голос вторая женщина, она меня недолюбливает, – и языком не трепи, что мы тут благотворительностью занимаемся.

– Не буду, – обещаю клятвенно и снова обращаюсь к тете Марине, – я могу кастрюли помыть или полы... Я умею, я в детдоме всегда помогала.

– Ешь и иди на учебу, Раиса, – говорит она строго.

Я еще раз благодарю сердобольную женщину и, присев за столик у окна, быстро поедаю свой обед.

После лекций забегаю в деканат узнать, не нужна ли им моя помощь в подготовке к завтрашнему мероприятию посвящения в студенты и, получив от ворот поворот, с чистой совестью иду домой.

Накидываю на голову капюшон и выхожу из универа. Погода наладилась, дождя больше нет, светит солнце, но лужи высохнуть еще не успели.

Стараясь не промочить ноги, иду вдоль корпуса, минуя парковку, хотя через нее до общежития путь ближе. Но я стараюсь обходить ее стороной, потому что после занятий там традиционно целое столпотворение богатеньких деток местных чиновников. Типа того сына губернатора.

Не хочется раздражать их своим видом.

Плетусь, не торопясь, низко опустив голову, и вдруг слышу агрессивные выкрики из толпы на парковке. Обернув-

шись, останавливаюсь.

Суэта возле двух черных тачек. Расфуфыренные девчули, среди которых я узнаю тех, что меня толкали вчера, снова кого-то прессингуют.

А еще себя высшим обществом считают. Как бабы базарные.

Собираюсь уже пойти дальше, как вдруг вижу их жертву. Это девчонка, которая со мной за партой сидит. Готка Инга.

Смотрит на них исподлобья, пока одна толкает ее, а остальные сыплют оскорблениями.

Капец.

Затаив дыхание, наблюдаю за развитием событий. Вот они уже всей толпой мотают ее из стороны в сторону, а самая агрессивная из них, дает Инге пощечину.

Я мгновенно вспыхиваю. Какого черта она не сопротивляется? Почему не дает сдачи?!

Не давая себе отчета в собственных действиях, перепрыгиваю через лужу, затем – через невысокое кованное ограждение и буквально врываюсь в толпу.

– Чего вам от нее надо?

Инга смотрит с недоумением, а девчонки тут же переключаются на меня.

– Иди, куда шла, убогая! – высокомерно проговаривает высокая блондинка.

– Брысь, мышь, пока под раздачу не попала!

Чувствую, как слабеют колени. Страшно, потому что я на

своей шкуре знаю, что значит, оказаться наедине с агрессивной настроенной толпой. Но и уйти тоже не могу. Совесть заест.

– Она одна, а вас много, – говорю еле слышно, – так не делается...

– Слышь, сиротка, – хватает меня за грудки девица с короткой прической, и я узнаю в ней ту, которая вчера поставила мне подножку, – вали, пока тебе морду не начистили.

Я теряюсь и в шоке хлопаю глазами. Как такое возможно в престижном Вузе?!

В панике смотрю на Ингу, но она, потирая щеку, отводит взгляд.

– Чеши домой, колхозница, – вторит подруге еще одна фифа.

Мягко, но настойчиво снимаю с себя чужие руки и обращаюсь к Инге:

– Пойдем.

Она делает шаг по направлению ко мне, но ее тут же останавливают, дергают за куртку назад, отчего она заваливается на стоящую рядом машину.

Я инстинктивно бросаюсь ей на помощь и чувствую, как меня жестко откидывают назад. Капюшон с головы слетает, и чья-то рука вцепляется в мои волосы. Поскальзываюсь и падаю на спину, ударяясь копчиком об асфальт.

От боли на несколько мгновений теряю связь с реальностью. Как сквозь вату проникают в уши чужой смех и оскорб-

ления, мгновенно поднимая во мне волну глухой ярости.

В голове обрывками проносятся кадры того, как били меня на второй день пребывания в детдоме. За то, что не захотела делиться личными вещами, привезенными мной из дома. Их не остановили ни слезы, ни мольбы. Били до тех пор, пока я не отключилась.

После того, как исчез последний синяк, я поклялась, что больше никогда не дам себя в обиду. Буду драться до последней капли крови, но ни за что не покажу больше никому своих слез.

Едва ко мне возвращается способность видеть и слышать, я хватаю обидчицу за ногу и резко дергаю ее на себя. Она оказывается к этому не готовой, нелепо размахивая руками, с грохотом, заваливается на спину.

Пользуясь моментом, быстро поднимаюсь и седлаю ее.

– Ах ты сучка! – выкрикивает стоящая позади меня блондинка, но трогать меня не трогает, – Ира, бей ее!

Ира, видимо, та, что сейчас лежит подо мной, начинает извиваться, и пытается схватить меня за волосы. У нее выходит, но и я не бездействую, тоже деру ее короткие волосы, одновременно уводя лицо от ее кулака.

Наша возня под комментарии подружек моей соперницы с переменным успехом продолжается несколько минут. У нее получается заехать мне по губам, в ответ я даю ей звонкую оплеуху.

– Бл@ть! Что здесь происходит?! – гремит на головой

мужской голос.

Мы обе замираем, а уже в следующее мгновение кто-то хватает меня за шкуру и буквально отдирает от Иры. Она, грязно ругаясь, вся в грязи, поднимается на ноги.

– Я спрашиваю, что за хрень?!

– Ром, – прижав ладони в груди, начинает блондинка, – эта конченная напала на Иринку... Она неадекватная, надо в деканат жаловаться.

– Я напала?! – бросаюсь к стерве, но меня снова оттаскивают.

– Ты че, ущербная?.. Тебе жить надоело? – рычит блондин, тот самый, что стоял вчера рядом с Греховцевым.

Толкает меня в грудь, отчего я впечатываюсь в стоящую позади спортивную тачку.

От ужаса бросает в холодный пот. Этот парень не Ира, с ним мне точно не справиться.

– Ромаш, отпусти ее, – спокойно произносит невесть откуда взявшийся Грех.

Тот самый сын губернатора.

Меня небрежно отталкивают, после чего я, не теряя времени, поднимаю с земли свой рюкзак и быстро иду прочь.

– Руки не забудь помыть, – доносится до меня насмешливый голос Германа, – вдруг, она лишайная.

Глава 4.

Весь вечер у меня уходит на то, чтобы привести себя и свою одежду в порядок. И если со мной все более или менее нормально, не считая ссадины в уголке губ, то мои единственные джинсы и толстовка в весьма плачевном состоянии. Мне требуется почти два часа, чтобы отстирать их.

Но и не это самое печальное.

На моем кроссовке снова оторвалась подошва. На этот раз навсегда. Именно этот факт становится последней каплей. Закрывшись в общей душевой, я расклеиваюсь. Сажусь на корточки в самый угол и, обхватив себя руками долго реву.

Нарушая обещания, данные самой себе, жалею себя и проклинаю тот день, когда родилась.

Зачем? Разве кто-то хотел этого? Радовался моему появлению на свет?

Нет!

Покойная тетка как-то по-пьяни рассказала, что мама аборт сделать хотела, но в нашей поликлинике как раз не было гинеколога, а денег, чтобы ехать в город, мама не нашла.

Дед тоже вечно ворчал, называя меня нахлебницей. Отец и вовсе обо мне не знает.

Теперь, может, никогда и не узнает. Если блондинка исполнит угрозу и нажалуется на меня в деканат, меня отчислят и выгонят из общаги.

Оборванкой я к нему на порог не заявлюсь.

На следующий день на подходе к универу меня нагоняет Инга. Какое-то время молча шагает рядом, а затем смущенно проговаривает:

– Короче, это... спасибо, конечно...

– Не за что, – буркаю под нос.

– Но я бы сама справилась...

– Ага, – скашиваю на нее взгляд, – я видела, как ты справлялась.

Вчера мне было искренне ее жаль, а сейчас она вызывает лишь глухое раздражение. Вела себя, как тряпка и даже не вступилась за меня.

– Да просто эта Ирка... она отмороженная, – оправдывается одноклассница, – шестерка Нечаевой.

– Кого?

– Нечаева с третьего курса... она тоже вчера была. Белобрысая.

– Ясно, – та, что жаловаться на меня обещала.

При мысли об этом от страха сводит живот.

Зайдя в аудиторию, привычно выбираю заднюю парту и, вытащив из рюкзака тетради, кладу голову на сложенные перед собой руки. Настроения нет, и на душе кошки скребут.

Преподаватель, Николай Степанович, приходит спустя пять минут после начала пары. Здоровается и обращается напрямую ко мне:

–Короткова, тебя в деканате ждут.

У меня внутри все обрывается. Начинают гореть лицо и трястись руки.

Мне конец.

Уже представляя, как с позором возвращаюсь домой в деревню, как расстроиться моя учительница, и будет плевать на мою сторону пьяный дед, уныло плетусь в деканат.

С минуту нерешительно топчусь под дверью, а затем тихонько стучусь.

– Можно?

– Входи, – глядя на меня с укором, проговаривает секретарь Светлана.

– Вызывали?

– Садись, – указывает она на стул у стены, – не ожидала от тебя.

– Я не виновата! – выкрикиваю пылко, – они начали бить Ингу...

– Виктору Андреевичу рассказывай.

– Он у себя?

– Сейчас придет.

В подтверждение ее словам дверь открывается, и в приемную входит сам декан с... сыном губернатора.

О, че-е-ерт!

Можно прямо сейчас сдавать студенческий и собирать чемодан.

Опустив взгляд на сцепленные в замок руки, жду приговора.

– А, Короткова?

– Доброе утро, – сипит мой голос, – вызывали?

На Греховцева не смотрю, но буквально кожей чувствую его присутствие. Это сильно угнетает. Хочется накрыть голову руками и сжаться в комок.

Секретарша начинает тихо переговариваться с ним, слышится шелест бумаг и звук шлепающих печатей, а я сижу, как мышка в мышеловке.

– На тебя жалоба поступила, – говорит Виктор Андреевич сурово.

– Я знаю, но я не виновата, честное слово!

– Говорят, ты студентов избиваешь...

– Она первая на меня набросилась.

– Короткова, ты не в детском саду и не в детском доме, – повышает он голос, – нам такие студенты не нужны!

– Но я правда не виновата, – вскрикиваю отчаянно, – она ударила Ингу, а когда я вступилась, набросилась на меня!

– Кому ты врешь? Соловьева учится уже третий год, и ни разу не была замечена в драках!

Закрыв лицо руками, я всхлипываю. Это бесполезно. Мне никто не поверит.

– Да не виновата она, – звучит как гром среди ясного неба, – Соловьева потасовку начала. Я видел.

Не веря своему счастью, распахнув глаза, смотрю на Греховцева. Декан, замешкавшись, тоже переводит взгляд с меня на Германа, и обратно.

Сам же мой спаситель, не обращая на нас никакого внимания, продолжает невозмутимо ставить подписи в бумагах.

– Вы видели?

– Видел, – подтверждает уверенно, а у меня чуть челюсть на колени не падает.

Виктор Андреевич обращается к Греховцеву с таким почтением, словно перед ним Император всея Руси, а не студент.

– Раз так... – разводит мужчина руками, – иди...

– Спасибо! – соскакиваю со стула.

– Но... Короткова, – грозит пальцем, – смотри мне!

Пулей вылетаю из деканата и, не чувствуя ног, добегаю до конца коридора, сворачиваю на лестничную площадку, спускаюсь на первый этаж и останавливаюсь только в холле у пропускного пункта.

Прижав руки к груди, считаю удары сердца.

Вот это адреналин! Быть на волосок от гибели и оказаться спасенной в самый последний момент.

Спасенной Греховцевым.

Невероятно. Не то, что он оказался свидетелем драки, а то, что встал на мою сторону.

Наверное, его отец не такой уж плохой губернатор, раз смог воспитать такого сына.

Немного успокоившись, возвращаюсь в аудиторию. Юркнув между рядами, сажусь рядом с Ингой.

– Из-за вчерашнего вызывали?

– Ага.

– Блин... – нервно заламывая руки, начинает ерзать на стуле, – хочешь, я схожу в деканат и расскажу, как все было?

– Не надо, все уже в порядке.

– Они тебе поверили? – с сомнением спрашивает Инга.

– Задняя парта! – обращается к нам лектор, – еще слово и пойдете в коридор!

Мы послушно замолкаем и больше к этой теме не возвращаемся.

После занятий я забегаю в читательский зал, а затем, перед выходом из универа, набираю из кулера воды в пластиковый стаканчик. Делаю небольшой глоток, разворачиваюсь и резко налетаю на чье-то большое тело.

Рука дергается, и часть воды из стакана выплескивается на рукав кожаной куртки.

– Неуклюжая, – слышу над головой.

Вскидываю голову и натыкаюсь на пронизывающий взгляд сына губернатора.

– Извини-те... – выдавливаю из себя и, протянув руку, пытаюсь смахнуть капли с черной кожи, но мне не позволяют.

Герман делает это сам и уже намеревается уйти, как я вспоминаю, что не поблагодарила его за спасение.

– Спасибо! – посылаю в спину, – за то, что заступился перед деканом.

Парень замирает, оборачивается ко мне и проговаривает негромко:

– Никогда больше не смей разговаривать со мной.

Кожа лица мгновенно вспыхивает. От стыда горят уши, а горло стягивает спазмом.

Глава 5.

Остаток недели проходит на удивление спокойно. В деканат меня больше не вызывают, и с Греховцевым я не встречаюсь.

Банду девиц во главе с Нечаевой и Пахомовой избегаю сознательно. Перемены провожу в аудиториях, в буфет и туалет хожу только во время лекций.

К понедельнику я окончательно расслабляюсь. Похоже, никто меня преследовать не собирается, и инцидент можно считать исчерпанным. Настроение омрачает только две вещи: необходимость носить зимнюю обувь в начале октября и почти постоянное чувство голода.

Если бы не тетя Марина из буфета, не знаю, как бы я жила. Доедаю пирожок до последней крошки, выпиваю чай и, пока никто не видит, стреляю булочку, оставленную кем-то из студентом на подносе с грязной посудой. По виду ни разу никем не кусанная.

В приподнятом настроении выхожу из буфета и сворачиваю за угол, в сторону туалетов. Толкаю дверь и чувствую, как сзади на меня налетает чье-то тело.

Даже пикнуть не успеваю, как оказываюсь внутри тесного помещения, прижатой лицом к стене.

– Ты убогая, а не бессмертная, – шипит в ухо голос Пахомовой, – ты че там наплела про меня?

– Я?..

Дверь хлопает, и в кабинку протискиваются еще двое. Блондинка Кристина и ее подруга, имени которой я не знаю.

– Кто тут у нас? – издевательски смеется она, – любительница чужих обьедков?

– Фу, блин, меня сейчас стошнит, – театрально стонет ее подружка.

Меня тоже. От страха. Пальцы Пахомовой больно сжимают мой затылок, а ее нога подпирает бедра.

– Я никому ничего не говорила, – сиплю еле слышно.

– Никому?! – звереет Крис, а следом в мою поясницу врежется чей-то кулак.

Чертовски больно. Дергаюсь, пытаюсь освободиться, но делаю только хуже. Меня хватают за волосы и сгибают над раковиной.

– Ты че, сука, Герману жаловаться на меня решила?! – цедит Ира, – меня из-за тебя, нищевродка, чуть не отчислили!

– Я не жаловалась!

Вместо ответа на мою голову обрушивается поток ледяной воды из крана. Я начинаю кричать, вырываться, но все бесполезно. Они держат меня втроем, и уже вскоре я чувствую, как холодные ручейки бегут за шиворот, пропитывая собой плотную ткань.

Как я по универу ходить в ней буду?! Как я до общежития дойду?!

Дергаюсь в сторону и слышу жалобный треск толстовки.

Рукав оторвался.

Твою мать!

– Упс, – мерзко смеется Кристина.

– Не жалко, – поддакивает Ира, – ей давно уже пора полы мыть.

Не знаю, откуда у меня берутся силы, но я буквально отшвыриваю от себя Пахомову, вслепую ударяю Нечаеву и, подняв с пола рюкзак, вылетаю из туалета в коридор.

– Куда прешь, ущербная? – летит от кого-то.

Расталкиваю толпу в холле и вся насквозь мокрая выбегаю на улицу. С ног сбивает холодный ветер, который благодаря пропитанной водой толстовке моментально промораживает до костей.

Перепрыгивая через две ступени, слетаю с крыльца и, давясь слезами, бегу по тротуару мимо парковки.

– В общежитии воду отключили? – ржет кто-то, – решила в туалете помыться?

Шутка сопровождается взрывом хохота.

– Да нет, уборщица спутала ее со шваброй и помыла ею полы.

Обхватив себя руками, ускоряюсь. Добегаю до угла здания корпуса, поворачиваю за него, чтобы отсечь себя от жертв остроумия. Какое-то время еще бегу, но затем, почувствовав, как колет в бок, перехожу на быстрый шаг.

Громко всхлипываю и размазываю по лицу капающую с мокрых волос воду вперемешку со слезами.

– Садись, – неожиданно раздается сбоку.

Резко остановившись, поворачиваю голову и замечаю медленно катящуюся параллельно со мной черную спортивную машину, из окна которой на меня смотрит Греховцев.

– Нет, – решительно качнув головой, возобновляю шаг.

– Сядь в машину, идиотка!

– Ты сам сказал не подходить к тебе, так что... – на языке вертится грубость, но я вовремя его прикусываю.

– Сядь в машину, разговор есть.

Я представляю примерно, о чем будет этот разговор, но все равно мешкаю. Быстро оглядываю кофту и джинсы, по которым расползлись огромные темные пятна и свисающий почти до локтя оторванный рукав.

– Я мокрая, – произношу глухо.

– Сядь в машину, – еще жестче повторяет Герман.

Оглядевшись вокруг и убедившись, что никто нас не видит, переступаю через бордюр, открываю дверь и сажусь рядом с мажором.

– Если твои фанатки увидят нас вместе, завтра меня четвертуют.

– Это они? – уточняет парень, кивком головы указывая на мои лохмотья.

Я вообще-то никогда не ябедничала. В детдоме стукачей не любят. Но сейчас проговорила.

– Слушай, – начинаю взволнованно, – я знаю, о чем ты хочешь поговорить...

Греховцев заламывает бровь и смотрит на меня в ожидании.

– Так вот... я никому ни слова не сказала о том, что ты заступился за меня перед деканом. Я не понимаю, откуда они узнали...

Герман скользит по мне недовольным взглядом, осматривает волосы, немного тормозит на губах, отчего мое сердце неожиданно сбивается с ритма и останавливается на расцарапанной в кровь ладони.

Я и сама замечаю это только сейчас. Даже не помню, где так поранилась.

– Недоразумение ходячее, – бормочет он и, сложив руки на руле, устремляет взгляд в лобовое стекло.

Я, сглотнув слюну, опускаю глаза.

До ужаса стыдно.

Молчание затягивается. Исходящее от кожаного сидения тепло проникает под мокрую одежду, и я начинаю согреваться.

Чего ему от меня надо?

Немного осмелев, незаметно рассматриваю его.

Он странный. Я таких никогда не встречала раньше. Как с другой планеты или параллельной Вселенной. Внешность и энергетика, исходящая от него сильно отличаются от всего, что встречала раньше. Его даже человеком назвать сложно.

Безэмоциональный, высокомерный и циничный, хоть и... красивый. И пахнет от него незнакомо. Дорогим парфюмом,

деньгами и превосходством над остальными.

– Я пойду? – спрашиваю робко.

– Денег дать? – вдруг спрашивает он и, не дожидаясь моего ответа, достает из внутреннего кармана кожаной куртки бумажник.

Открыв его, вынимает две купюры номиналом пять тысяч. У меня, как у вороны из басни, спирает дыхание. Смотрю на деньги, а перед мысленным взором проносятся новые ботинки, теплая куртка... нормальная еда.

Герман, видимо заметив мою реакцию, холодно усмехается.

– Бери.

Встречаюсь глазами с его серым взглядом и невольно ежусь. Он намеренно меня унижает.

– Нет.

– Мало? – добавляет еще две купюры, буквально вводя меня в состояние шока.

Я таких денег сроду в руках не держала, но все равно упрямо качаю головой.

– У меня все есть... Мне не надо...

– Гордая, да?

Не гордая, но брать деньги Греховцева боюсь. Разворачиваюсь к двери и, судорожно шаря рукой, пытаюсь понять, как она открывается.

Герман сгребает почти полностью оторванный рукав толстовки в кулак и дергает на себя.

– Бери! Купи себе нормальную одежду!

– Не надо мне...

– Слушай сюда, сиротка! – вдруг повышает он голос, – мне похер на тебя и на твои лохмотья. Своим внешним видом ты позоришь Вуз и оскорбляешь мои эстетические чувства. Или ты приводишь себя в порядок или возвращаешься в свой колхоз!

Глава 6.

Возвращаюсь в общежитие уже вечером. Уставшая, продрогшая, взбудораженная, но, чего греха таить, довольная. Быстро умывшись, любовно раскладываю на кровати свои обновки.

Новая толстовка, темно-синие ботинки на плоской подошве, черные брюки из стрейчевой ткани и... та-дааам... синяя укороченная куртка. Разглаживаю ткань, смахивая с нее невидимые пылинки. Это, конечно не вещи из бутиков, но относиться я к ним намереваюсь крайне бережно.

Все это было куплено мной на небольшом крытом базаре в одном из спальных районов. Там ими торгуют чуть ли не на улице, и цены ниже магазинных раз в пять. А если учесть, что торговалась я до слез (слез продавцов), мне они обошлись еще дешевле.

Сэкономленных денег даже хватило на продукты. Печенье, макароны, тушенку, сахар и молоко.

Улыбаясь, развешиваю свое добро в шкафу. Радужное настроение омрачает лишь осознание того, на чьи деньги все это было куплено. Но ничего, соглашаясь их взять, я поклялась Греховцеву, что верну их все до последней копеечки.

Он лишь усмехнулся. Не поверил.

Следующим утром я буквально заставляю пойти себя на занятия. Трушу снова оказаться в туалете наедине с неадек-

ватной троицей. Страшно и за себя и за свои новые вещи. А еще я боюсь и стыжусь встречи с Германом и его друзьями.

Я ведь его совсем не знаю. Вдруг, он всем расскажет, что я взяла у него деньги. Вчера об этом не подумала, а сегодня трясет от одной этой мысли. Если это произойдет, я стану объектом самой настоящей травли.

Я облажалась, да?!

На первую пару сознательно опаздываю. На переменах стараюсь не отвечивать, а после занятий сразу убегаю в общагу.

Кажется, пронесло. Никто на меня и внимания не обратил, будто я внезапно превратилась в невидимку.

Подготовившись к завтрашнему семинару, я, со списком адресов в руках, иду искать себе работу. Это решение я приняла, когда взяла из рук Греховцева деньги. Без подработки долг вернуть я не смогу.

Первым делом захожу в кафе, расположенное всего в паре кварталов от универа. Там мне говорят, что опоздала, надо было в сентябре приходить, а сейчас все вакансии заняты более расторопными студентами.

Обхожу еще несколько мест. Предлагаю себя в качестве посудомойки, уборщицы или официантки на полдня или в ночную смену. Кое-где мне отказывают сразу, а в одном кафе обещают перезвонить.

В итоге, к вечеру, я, уставшая и все еще безработная, возвращаюсь в общежитие и без сил падаю на кровать.

– Где была? – лениво интересуется сидящая по-турецки на кровати Юлька.

– Работу искала.

Она отвлекается от маникюра и поднимает на меня взгляд. Заинтересованно оглядывает надетые на меня обновки и принимается дуть на свеженакрашенные ногти.

– Зачем работа? Ты, я вижу, разбогатела...

– Пособие получила, – вру я.

На самом деле пособие, как опекун получает и пропивает дед. Я с него ни копейки не вижу.

– А может, ты любовника богатого нашла? – понижая голос, с сарказмом интересуется соседка.

Я неожиданно смущаюсь. Чувствую, как к лицу приливает кровь.

– Ладно, шучу, – махнув рукой, начинает смеяться, – кто на тебя посмотрит?

Молча переодеваюсь и бегу в общий душ, надеясь, что там еще свободно.

Так и есть. Пусто.

Снимаю с себя старый халатик и захожу в самую дальнюю кабинку. Включаю воду и поворачиваюсь к мутному маленькому зеркалу.

Протирев его ладонью, вглядываюсь в свое отражение. На меня смотрит девчонка с зелеными глазами и копной русых волос. Лицо ничем не примечательное, за исключением губ. Мне кажется, они чересчур полные. Бесят.

Рассмотреть фигуру не получается, маленькое зеркало для этих целей не годится. Но я и так знаю, что смотреть там особо не на что. Невысокая, стандартной средней комплекции. Ни выдающейся груди, ни попы.

Права Юлька – на такую девушку, как я, никто никогда не позарится.

Ни к месту вспоминается сын губернатора с его тяжелым пристальным взглядом темно-серых глаз. Он во мне не то, что девушку, даже человека не видит.

Следующие два дня как под копирку повторяют понедельник. В универе все подозрительно спокойно. За все время я не услышала ни одного оскорбления в свой адрес, ни одной шутки. Словно, сменив одежду, я изменила и внешность.

Крис несколько раз попадалась мне в коридорах, но всякий раз делала вид, что мы не знакомы. Пахомова же и вовсе в Вузе не появлялась.

Вечером в среду, безрезультатно обойдя еще несколько баров и кафе в поисках работы, возвращаюсь в общагу. Съедаю бутерброд и заваливаюсь с учебником в кровать.

Звук входящего на телефон сообщения отвлекает от чтения. Хмурясь, достаю свой, выдавший виды, гаджет из рюкзака и открываю послание.

«Как дела?»

Недоуменно смотрю на эти два слова. Номер неизвестен. Свой я никому не давала, потому что, никто и не просил.

Экран потухает и тут же вспыхивает снова, являя моему

ошалевшему взору физиономию Греховцева. От неожиданности телефон выпадает из рук.

Какое-то время я молча смотрю на фото, а затем, осторожно беру смартфон в руки.

Это селфи. Скорее всего, сделанное прямо сейчас. Глядя на экран ничего не выражающим взглядом, Герман ведет машину.

Сердце в груди тревожно сжимается. Что ему опять от меня надо? Решил напомнить про долг?

Не успев утихомирить свою буйную фантазию, получаю следующее сообщение.

«Дать еще денег?»

По спине проходит озноб. Кончики пальцев вмиг леденеют.

«Нет. Спасибо за помощь. Я сейчас ищу работу, как только найду – начну возвращать долг».

«Какую работу?»

Боже... ну какое ему дело? Чего он привязался?

«Любую» – печатаю в ответ.

Целых две минуты телефон молчит, и я уже начинаю думать, что переписка окончена, как от Германа приходит еще одно сообщение.

«Сохрани мой номер»

«Зачем?»

«На всякий случай»

«Хорошо».

Нет, он, все-таки, самый странный из всех, кого я знаю.

Откладываю учебник, выключаю свет и добрых полчаса разглядываю его фото. Рассмотреть его живьем я себе позволить не могу, но почему этого не сделать сейчас, когда никто не видит?

Увеличив снимок, всматриваюсь в черты лица. Темные волосы, высокий лоб, ровные густые брови, прямой нос, острые скулы и квадратный подбородок. Единственное, что выбивается из общей, характеризующей его картины, это полные губы.

Залипаю на них. Интересно, он улыбается когда-нибудь? Смеется?

В коридоре раздается стук каблуков, и вскоре в дверном проеме появляется Юлька.

Погасив экран, быстро прячу телефон под подушку.

– Спишь?

– Нет.

– Я тебе работу нашла.

Глава 7.

После пар встречаемся с Юлей у корпуса универа и вместе едем в бар, где по ее словам для меня есть вакансия.

– Платят, конечно, не миллионы, но тебе должно хватить, – толкает меня в бок, – ты же умеешь экономить.

Молча киваю. Я жутко нервничаю, боюсь неудачи.

Бар этот открылся совсем недавно и все еще не укомплектовал штат сотрудников. Конкретно я иду устраиваться на место посудомойки. Смены два через два с шести вечера до двух ночи.

Мне подходит.

Единственный несущественный минус – находится он в другом районе, поэтому добираться придется с пересадкой. А обратно – на такси.

– Она? – спрашивает женщина среднего возраста, указывая на меня пальцем.

– Здравствуйте, – произношу неуверенно.

Ответа не следует. Какое-то время она рассматривает меня всю с ног до головы, а затем, кивком головы, требует следовать за ней. Юлька ободряюще подмигивает и идет к барной стойке. Ее парень барменом здесь работает.

Проходим с администратором по узкому темному коридору и входим в ее кабинет.

– Опыт есть? Трудовая?

– Ээээ... нет...

– Плохо.

– Вернее, трудовой нет, – спохватываюсь я, – а опыта полно! Я в детском доме в столовой каждый день посуду мыла.

– Детдомовская, что ли?

Смотрит на меня цепко, как следователь на допросе. Словно хочет меня во лжи уличить.

– Год в детдоме была, – судорожно вздохнув, подтверждаю я.

– Документы с собой?

– Да! – достаю из рюкзака файл со всеми документами и ксерокопиями на них.

– Ладно, – говорит она, пролистав бумаги, – будешь мыть посуду, если потребуется заменять уборщицу.

– Хорошо, – выпаливаю радостно.

– Если приспичит, и официанткой пойдешь...

– Хорошо!

– Испытательный срок – месяц.

– Хорошо!

Воодушевленная, возвращаюсь в зал и нахожу Юльку глазами. Перегнувшись через барную стойку, целуется со своим парнем в засос.

– Кхм...

– Ну, что?

– Приняли! – выдыхаю облегченно, – завтра выхожу.

– Оу, класс! С тебя бутылка вискаря.

– С первой зарплаты, – обещаю я.

– Знакомься, кстати, – показывает на невысокого крепкого брюнета, – Леха, мой парень.

– Привет, – отзывается он.

Я тоже здороваюсь.

– Теперь часто видеться будете...

– Да.

– Надеюсь, не замутите за моей спиной?

– Что?! – выпучиваю глаза, – да ты что, Юль!

Она смотрит на меня деланно строго, а потом вдруг, приснув, начинает хохотать, я, не до конца понимая, в чем дело, тоже смеюсь. Леша же смотрит на нас, как на дурачков.

– Ладно, шучу я, – машет Юлька рукой, – ты не в его вкусе.

Меня эта шутка трогать не должна, но отчего-то трогает. Спрятав обиду за легкомысленной улыбкой, прощаюсь с ребятами и еду в общагу.

На дорогу уходит почти час. Когда я подхожу к общежитию, на улице уже темно. Поправив съезжающую с плеча лямку рюкзака, шагаю мимо кустов акации по шуршащей под подошвами опавшей листве.

Когда до входной двери остается всего пару метров, на мое плечо, опускается тяжелая рука. У меня от страха что-то обрывается внутри. Действуя на инстинктах, резко разворачиваюсь и выкидываю вперед кулак.

– Идиотка, – проникает в мое, охваченное ужасом, сознание голос Греховцева.

Хватает мою руку и отводит ее в сторону, касаясь при этом своим торсом моего плеча.

– Ты?..

– Где твой телефон?

– Ты меня напугал! – выкрикиваю истерично, выдергиваю свою руку и толкаю в плечо.

– Телефон твой где? – повторяет Герман с нажимом.

– У меня зарядка сломалась, я его в общеаге оставила.

– Пойдем, покажешь.

– Куда... пойдем?..

Вместо ответа он берет меня за руку и тащит в общежитие. Идет стремительно, оставляя позади себя шлейф дорожного запаха, а я, поспевая за ним, едва успеваю переставлять ноги.

– Тебя не пустят, – говорю с нервным смешком.

Сейчас дядя Валера дежурит, мимо него без спроса даже муха не пролетит. Но, видимо, не сегодня. Оторвавшись от сканворда, он лишь молча провожает нас взглядом.

– Показывай, где комната, – произносит Герман, как только мы оказываемся на втором этаже.

Коридор, освещенный всего двумя тусклыми лампочками, абсолютно пуст, хотя кое-где из-за дверей слышатся голоса, смех и музыка. Смотрю в нужном направлении, и возвращаю взгляд к Греховцеву.

У меня в голове не укладывается, что все происходящее реально.

– Зачем тебе? – спрашиваю тихо.

– Показывай, – так же негромко требует он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.